

Шэна Эйби

Три судьбы Мадлен

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э30

Shana Abe
THE SECOND MRS. ASTOR
Copyright © 2021 by Five Rabbits, Inc.
All rights reserved.

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Ксении Карповой*
Художественное оформление *Натальи Каиштыкиной*

Эйби, Шэна.
Э30 Три судьбы Мадлен / Шэна Эйби ; [перевод с английского К. Карповой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-242258-4

Первая жизнь Мадлен была похожа на затяжной прыжок в неизвестность: в семнадцать лет она стала главной мишенью для сплетен, обручившись с «королем Нью-Йорка».

Пока Пятая авеню задыхалась от возмущения, Мадлен училась носить фамильные бриллианты и держать спину ровно под вспышками камер.

Вторая жизнь продлилась лишь один медовый месяц. Знойный Египет подарил паре мечту, которую вдребезги разбила ледяная Атлантика. «Титаник» казался непотопляемым, как и их будущее, но океан не пощадил никого.

Третья жизнь Мадлен началась в пустом особняке, где девятнадцатилетней вдове пришлось выбирать: остаться трагической тенью великого мужа или набраться смелости и выйти из игры, правила которой диктовал свет.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-242258-4

© Карпова К., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Венди Маккарди
с глубочайшей благодарностью
за возможность рассказать
эту проникновенную историю*

ПРОЛОГ

23 АВГУСТА 1912

Мой милый Джеки!

Я назвала тебя его именем. У тебя его глаза и светлые вихры. А вот подбородок, похоже, мой. И это правильно. Твой отец, неординарный и одинокий, царил над всеми вокруг и, конечно, в моем сердце. Он был настолько необыкновенным, что повториться не может ни в ком... даже в тебе.

Сейчас ты уютно посапываешь в своей колыбельке — такой крошечный, такой безмятежный... Всякий раз, когда кружевные занавески тревожит ветер с улицы, пахнувший лошадьми и теплым летним дождем, твои губы складываются в подобие улыбки, от которой щемит сердце. Меня переполняют одновременно смятение и отчаяние, ведь ты никогда не узнаешь Джека, а он тебя. Прошло уже четыре месяца, но эта тягостная мысль то и дело настигает меня и ранит в самое сердце. Джек никогда не увидит твою улыбку с ямочками на щеках, не порадует первым шагом, не умилился крошечным пальчиком, не влюбится в залиvistый смех. И ты, мой славный, чудесный сын, не сохранишь о своем отце ни единого воспоминания.

Я же в воспоминаниях о нем тону. Они обрушиваются на меня, словно водопад... и тянут на дно. Поэтому ради тебя — и ради собственного спокойствия — я решила выплеснуть их на бумагу. Когда-нибудь, в один прекрасный день, я передам тебе эти страницы, чтобы мои воспоминания стали твоими.

Я не хочу начинать с печального финала, который и так у всех на слуху, — с той беззвездной, точно окутанной черным крепом, ночи, когда, лежа в постели, я почувствовала легкий толчок, настолько незначительный, что сначала показалось, будто ничего не произошло, — просто корабль вдруг случайно шаркнул по каменистому дну. Не до конца проснувшись, неловкая, отяжелевшая от уже заметного на шестом месяце бремени, я долго не могла одеться.

Мы поднялись на палубу. Поначалу паники почти не было, но она стремительно разрасталась: толкотня и крики заполнили собой все, что еще не успела поглотить Северная Атлантика.

Мне пришлось лезть через окно в прогулочной палубе, я застряла. Руки твоего отца, крепкие и надежные, подтолкнули меня вперед. Женщины выли, рыдали, тянулись к своим мужчинам, оставшимся на корабле. Я с трудом нашла место в крохотной накренившейся спасательной шлюпке...

Ну вот, не хотела, а все же начала с конца... Повторюсь, о нем и так все знают, по его поводу уже было пролито довольно слез и высказано много непрошенных соображений. Начало же нашей истории принадлежало лишь нам.

И оно было восхитительным.

Несколько недель твой отец приглядывался ко мне: я чувствовала его взгляд всякий раз, когда нам случалось ока-

заться на одном пикнике или концерте, столкнуться в парке на конной прогулке или на ужине в клубе. Полковник Джек Астор имел, пожалуй, самое значительное состояние на Американском континенте, и не заметить его было трудно. Однако еще труднее было не попасть под обаяние спокойного взгляда его серых глаз, столь же ясных, как зимний рассвет. (Когда по наивности я сообщила ему об этом, он рассмеялся, поцеловал меня в щеку и сказал, что я ослеплена любовью. А я-то казалась себе такой искушенной...)

Моя мать, твоя бабушка, была заморожена перспективами столь завидной партии, отец тоже предвкушал скорую счастливую развязку, хоть и не терял своей обычной рассудительности. Казалось, никого из них не смущало, что Джек разведен и почти на тридцать лет старше меня...

— Для него будет удачей взять тебя в жены, — заверял отец.

— Не вздумай ему перечить, — наставляла мать.

— Пока мы только здороваемся, — возражала я, однако все мы понимали, что развитие событий не заставит себя ждать, едва подвернется случай. Да, я была юна, но многочисленные воздыхатели уже боролись за право сопровождать меня на пикники и чайные приемы. И я прекрасно отдавала себе отчет, что означает этот ясный, пристальный взгляд полковника Астора.

Вскоре он пригласил нас на выходные в свой загородный особняк в Бар-Харборе, когда мы проводили лето там же, на побережье в Мэне, в нашем — гораздо более скромном! — домике. Стоял жаркий август, воздух был напоен ароматами жимолости, скошенной травы и соленого моря. Общество собралось большое, однако, судя по обходительности слуг и великолепию выделенных нам комнат, мы оказались главными гостями.

Хозяин устроил танцы, ужин на семь перемен блюд, прогулку по гавани на собственной паровой яхте, названной «Нома» (меня тогда укачало, но, надеюсь, мне удалось это скрыть). Мы играли в вист и крокет, джентльмены — в покер. Время тянулось со сладкой истомой, и я почти ничего не помню из тех блаженных дней, кроме одного-единственного момента.

Была суббота. Мама, отец и Кэтрин отправились вздремнуть после обеда. Полковник обещал нам вечернюю прогулку на машине вдоль побережья, и мама хотела выглядеть безупречно, ведь уже тогда нас начали преследовать светские хроникеры. Я считала, что и так выгляжу лучше некуда, а перспектива целый час томиться в постели в неудобном корсете и с кучей шпилек в прическе вгоняла меня в тоску.

Поэтому я ускользнула из комнат, едва послышался храп, и укрылась в укромном уголке роскошной библиотеки, сияющей начищенной латунью и полированным красным деревом, прихватив с полки сборник греческой поэзии, насколько я могла судить. У меня за плечами осталась частная школа-пансион, и латынь я знала блестяще. Что же до греческого, то я лишь немного различала алфавит, но ни читать, ни говорить не умела. Поэтому, перелистывая страницы, я просто любовалась причудливой вязью букв и необычной структурой строф, пытаюсь угадать их звучание и смысл. И тут я почувствовала, что кто-то нарушил мое уединение.

Теперь я понимаю, что полковник, должно быть, наблюдал за мной, выжидая момент для разговора с глазу на глаз. Это было лестно и, в общем-то, предсказуемо. В конце концов, именно для этого нас и пригласили. Однако при его внезапном появлении единственной моей мыс-

лю было: «О нет». Еще и эта книга так некстати! Если он спросит меня о ней, придется либо солгать, выдав что-то вроде: «Греческая поэзия божественно прекрасна...», либо признаться, что меня, словно ребенка, заморозили необычные начертания.

Он шел ко мне — высокий, угловатый, но очень привлекательный, с гладко зачесанными светло-каштановыми волосами и аккуратно подстриженными усами.

— Можно? — спросил он, указав на бордовое кожаное кресло напротив.

— Пожалуйста.

Я поспешно закрыла книгу и перевернула ее так, чтобы название и автор оказались скрыты в складках юбки. Он сел, скрестил ноги. Сияющее море, видневшееся в окне позади него, бросало платиновые блики на его прическу, накрахмаленный воротничок и домашний пиджак из серой саржи.

В тот момент залитый ярким солнечным светом хозяин дома, хоть и был намного старше меня, казался смущенным юношей, впервые решившимся на ухаживания.

— Какая вы очаровательная, мисс Форс, — сказал он, склонив голову и заглянув мне в глаза.

Я опустила взгляд, как меня учили, и пробормотала:

— Спасибо.

— И какая непроницаемая...

От удивления я уставилась прямо на него. Это что? Комплимент?

Полковник улыбнулся.

— Никогда прежде я не встречал таких, как вы. Ваш разум для меня загадка.

— О, порой для меня самой тоже! Но боюсь, на деле я не такая уж и загадочная.

ШЭНА ЭЙБИ

Он рассмеялся, запрокинув голову. Рассмеялся совершенно искренне. И меня вдруг охватило внезапное ощущение власти над таким человеком, как Джон Джейкоб Астор. Над его настроениями и эмоциями. Оно пронзило меня, словно молния.

Думаю, с этого мгновения судьба наша была решена.

ГЛАВА 1

ИЮНЬ 1907

НЬЮПОРТ, ШТАТ РОД-АЙЛЕНД

При их первой — случайной — встрече Мадлен (или попросту Мэдди) была для него никем. Обычная тринадцатилетняя девчонка на каникулах. Мокрые, как у русалки, волосы не успели просохнуть после купания и липли к рукам и спине. Она сидела, поджав ноги, на крупном серебристом песке Бейлис-Бич. Купальный чепец беззаботно сброшен, нос жгло и пощипывало, но ей было все равно. Она наслаждалась ветром и солнцем, которое стояло так высоко, что казалось крошечной сияющей точкой в небе. Ей хотелось растянуться на песке, раскинуть в стороны ноги и руки, чтобы насквозь пропитаться теплом и светом. Увы, она уже была слишком взрослой для подобных глупостей.

В это предполуденное время на пляже могли находиться лишь женщины. Мать плескалась неподалеку в прибрежных волнах, пестревших красными водорослями. Она всегда была рядом. Всегда начеку. И наверняка уже заметила, что ее своевольная младшая дочь осмелилась снять чепец и подставить нос солнцу.

Над головой с криками носились чайки. Задрав подбородок, Мадлен следила за тем, как птицы выписывают неровные круги, взмахивая потрепанными крыльями. На фоне сияющего неба они казались беспокойными тенями драконов.

Стайка девочек помладше толкалась у берега, с визгом перебрасываясь песком и пеной. Они боялись зайти на глубину, но не могли удержаться от соблазна пройтись босыми ногами по прохладной воде. Шума от них было едва ли не больше, чем от чаек.

Мадлен, как и все прочие девочки, девушки и женщины на пляже, была облачена в купальный костюм: черные шаровары ниже колен, черная блуза с длинными пышными рукавами. Все целомудренно прикрыто. Словно в летний полдень на элитном пляже Бейлис-Бич собрались на шабаш модные, вымокшие насквозь ведьмы.

Показалась пара гнедых, запряженных в изящный экипаж. Лошади осторожно прошагали вдоль линии прилива по замысловатым арабескам из водорослей и остановились на последнем участке сухого песка. Выскочили лакеи в синих ливреях и принялись отстегивать загадочные узлы, увязанные сзади. По правилам, мужчинам не позволялось в этот час находиться на пляже, но ведь то были всего лишь слуги, поэтому никто не обратил на них внимания. Они проворно установили шатер в шафрановую полоску, разместили под ним плетеное кресло с пледом и складной столик, а затем вернулись к экипажу, чтобы помочь спуститься хозяйке.

Седая сгорбленная дама сердито сощурилась под яркими солнечными лучами, однако была мгновенно сопровождена под тень шатра, так что Мадлен едва успела разглядеть мерцание стекляруса, которым было расши-

то ее платье, и гранатовую брошь, приколотую к груди. Как только почтенная леди опустилась в приготовленное для нее кресло, взъерошенная ветром служанка начала распаковывать корзинку с едой.

— Видела? — выдохнул кто-то на ухо Мадлен и шлепнулся рядом на песок.

Она оглянулась на подсевшую к ней старшую сестру (тоже без чепца, но с совершенно не обгоревшим носом и с широченной ухмылкой), а затем снова перевела взгляд на леди под тентом.

— Чувствуешь трепет? — шепнула Кэтрин, откинувшись на руки и глядя на волны. — И благоговение?

— А должна?

— Ну конечно, глупышка! Это же миссис Астор. Та самая... Посмей взглянуть ей в глаза — превратишься в камень. Или в столб пламени. Или... Нет, погоди! Тебя просто вычеркнут из светского общества, и ты умрешь сморщенной старой девой. — Она преувеличенно содрогнулась, но улыбаться не перестала. — Кошмар!

Естественно, Мадлен знала, кто такая миссис Астор. Все знали. Просто ей еще никогда не доводилось сталкиваться с этой почтенной матроной лично. Семейство Форсов не вращалось в кругах никербокеров¹. И, честно говоря, Мэдди представляла себе «ту самую миссис Астор» совсем иначе: жилистой, язвительной и крепкой, с улыбкой, словно остро отточенный кинжал, и маникюром, напоминающим когти хищника. А вместо этого перед ней предстала тучная старуха, опасливая прячущаяся от солнца и поедающая с позолоченной

¹ Никербокерами называли коренных нью-йоркцев, в идеале ведущих свою родословную от первых голландских переселенцев. — *Здесь и далее прим. перев.*